

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Хрупова Е.А.

Киселевский г.о., Кемеровской области, МБОУ «Лицей № 1», 11 класс

*Руководитель: Шишкина И.В., Киселевский г.о., Кемеровской области, МБОУ «Лицей № 1»,
учитель истории и обществознания*

Данная статья является реферативным изложением основной работы. Полный текст научной работы, приложения, иллюстрации и иные дополнительные материалы доступны на сайте VI Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке» по ссылке: <https://school-science.ru/6/5/36284>.

Тема японского интернирования в СССР сравнительно новая в российской историографии. Это объясняется тем, что во времена Советского Союза она относилась к «закрытым». В обширной советской военно-исторической литературе по истории второй мировой войны советско-японской войне 1945 г. уделено пристальное внимание. В ней подробно описываются ход подготовки и ведения боевых действий в Маньчжурии, другие вопросы. Однако все советские исследователи сосредоточивались на освещении успешного наступления Красной армии в Маньчжурии. Обратная сторона войны – потери, пленные была скрыта. Даже в многотомных изданиях по истории второй мировой войны, выходящих в СССР в 60–70-х гг. читатель в лучшем случае найдет лишь упоминание о количестве японцев, взятых в плен.

Актуальность работы состоит в том, чтобы не только показать отношение к японским военнопленным в Сибири, в том числе на территории Кемеровской области, но и их дальнейшую судьбу с точки зрения различных исследователей.

Цель работы: Исследование вопросов военного плена после советско-японской войны 1945 г. в Западной Сибири.

Задачи:

- исследовать процесс пленения военнослужащих противника в ходе советско-японской войны 1945 г.;
- установить численность военнопленных японской национальности, оказавшихся в советском плену после Второй мировой войны, в т. ч. в Западной Сибири;
- выявить обстоятельства пленения и условия содержания в советском плену японских военнопленных;
- установить места расположения лагерей японских военнопленных на территории Западной Сибири;
- установить степень влияния японских военнопленных на развитие экономики Западной Сибири в послевоенный период;

- рассмотреть современные мероприятия японских делегаций на территориях бывших захоронений японских военнопленных по Западной Сибири и возврату останков японских сограждан на Родину (на примере Кемеровской области).

Объектом исследования стала история пленения противника в ходе советско-японской войны 1945 г. и содержание военнопленных в лагерях на территории СССР в 1945–1956 гг.

Предметом исследования является положение и судьба японских военнопленных на территории Западной Сибири в 1945–1956 гг., в том числе на примере г. Киселевска.

Гипотеза: тема исследования позволит не только повысить интерес к данной проблеме, но и сделать общий вывод о положении заключенных в лагерях военнопленных в 1940–1950-х гг.

Методы исследования: сбор, анализ и систематизация информации, синтез, сравнение.

Долгое время недоступными для исследователей были архивные материалы о военнопленных в СССР, системе лагерей военнопленных. Лишь во второй половине 80-х годов в СССР были открыты прежде засекреченные архивные материалы по военнопленным и интернированным. В последнее время появились первые научные работы, которые основаны на исторических источниках и материалах. На основе научных статей и публикаций была сделана попытка составить историографический анализ данной проблемы. В своей работе мы используем работы С.В. Карасёва [4], монографию С.И. Кузнецова «Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.)», сборник документов и материалов «Военнопленные в СССР 1939–1956 гг.». С 1990-х гг. проблемы японских военнопленных (в том числе внутривосточные, международные аспекты репатриации, её цели и методы) изучали С. И. Кузнецов [1], который обобщил в диссертации

обширный пласт материалов сибирских архивов; О.Д. Базаров [2], Е.Ю. Бондаренко [3], Е.Л. Катасонова [5], М.Н. Маркдорф. Историки не просто глубоко исследовали историю восточносибирских, забайкальских и дальневосточных лагерей, но и ввели в научный оборот многочисленные архивные источники, создав тем самым научное направление в региональной истории военного плена. Интересны рассмотренные М.Н. Маркдорф процесс и проблемы социальной адаптации японских военнопленных и их репатриация на родину.

Другим типом источников была региональная печать были использованы статья журналиста Е.Бугаева «Затерянные в Сибири» в газете «Кузнецкий Край», а также публикации в городских газетах города Киселевска «Киселевские вести», «В бой за уголь!», «Городок», «Телевизионный вестник» за разные периоды времени.

Практическая значимость работы заключается в использовании её материалов, положений и выводов в учебных курсах по истории Сибири, России, в краеведческой работе, при разработке специальных курсов.

1. Историографическая оценка советско-японского конфликта

Оценка советско-японской войны неоднозначна, как со стороны российских, так и зарубежных историков. Некоторые историки преувеличивают жесточенность боев, которая без оговорок распространялась на всю маньчжурскую военную кампанию. Так, историк А.А. Кошкин писал: «Несмотря на упорное сопротивление японских войск, которое продолжалось и после отдачи приказа о прекращении боевых действий, мощная группировка противника была наголову разбита всего за 24 дня» [16, с. 187].

О «неоценимом вкладе» СССР в победу над Японией пишет и российский историк В.П. Зимонин [11, с. 82]. Историк ссылаясь на американские источники, подчеркивает, что без помощи СССР Вторая мировая война затянулась бы на несколько лет. Особо В.П. Зимонин выделяет роль в этой войне маршала А.М. Василевского, его стратегические таланты и аналитический ум.

Историк Б. К. Славинский считает «неблагодарным трудом» оценку того, кто виноват в тех отношениях, которые сложились между СССР и Японией, заявляя об этой войне, что «может быть мы квиты». Скорее всего, историк имеет в виду, что к России вернулись территории потерянные после русско-японской войны. Б.К. Славинский отмечает, что Япония «простила» американ-

цев и уже забыла трагедию Хиросимы и Нагасаки. [21, с. 501].

Издержки и преувеличения в оценке роли СССР в победе над Японией, свойственные советской историографии, стремятся в своих работах устранить А.А. Кириченко. Интересны выводы историка, об оценке боеспособности Квантунской армии и о возвращении Курильских островов Советскому Союзу. [27, с. 301].

Что касается мнения зарубежных ученых в качестве характерного можно рассмотреть точку зрения профессора Цуёси Хасэгава, японца по национальности. «Было бы слишком нереальным ожидать, чтобы сознание вины Японии за развязывание войны было распространено также на отношения с Советским Союзом. Тем не менее до тех пор, пока японцы не приступят к самокритической оценке своего прошлого с установлением сложного баланса между своей приверженностью к милитаризму, экспансии и войне и их оправданным требованием исправить негативные стороны сталинской внешней политики, – не без основания пишет этот историк, – подлинное примирение между двумя странами невозможно» [27, с. 203].

В. Галицкий в своей статье отмечает, что до сих пор не подписан мирный договор между Японией и Россией: между ними формально сохраняется состояние войны [9].

Историк С.В. Карасев обозначает своё отношение к проблеме этой войны следующим образом: «Оставаясь в прошлом историческими фактами, события вооруженного противостояния между Советским Союзом и Японией долгие годы живут в памяти народа. Кроме того, в послевоенное время образ врага в представлениях советских людей поддерживался во многом искусственно». [13, с. 13]

Подводя итог, можно сделать вывод, что Советский Союз вступил в данную войну выполняя союзнический долг (И.В. Сталин дал от имени советского руководства обещание ступить в войну против Японии на Тегеранской и Ялтинской конференциях). Именно Советский Союз внес самый крупный вклад в победу над Японией скорейшему окончанию Второй мировой войны.

2. Особенности содержания в плену и статус военнопленных японцев

Путь развития человечества тесно связан с войнами, военными конфликтами, вооруженной борьбой за власть. Одной из составляющих вооруженного противоборства является плен, как вынужденная мера, направленная на исключение его участников из боевых действий.

После начала Великой Отечественной войны 1 июля 1941 г., СНК постановил утвердить новую редакцию «Положения о военнопленных», которая определяла круг лиц, подпадающих под понятие «военнопленный»: а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР; б) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие; в) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях [1, с. 66].

В соответствии с «Положением о военнопленных» от 1941 г. на территории Советского Союза содержались и военнопленные, оказавшиеся после боевых действий августа-сентября 1945 г. на Дальнем Востоке. Только после окончания Второй мировой войны, в августе 1949 г., к III Женевской конвенции об обращении с военнопленными, присоединилось 166 государств, в число которых вошел СССР. Рассматривая проблемы военного плена, Е.Л. Катасонова вполне справедливо предложила термин, который, по ее мнению, наиболее полно характеризует положение военнопленных, оказавшихся в советских лагерях после войны на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г.: «интернированные военнопленные» [5, с. 12].

В ходе боевых действий военнослужащие могут оказаться в плену в силу различных причин. Однако все эти причины можно объединить в две основные группы: сознательные и бессознательные.

К бессознательным причинам необходимо отнести состояния (ранение, контузию и т.п.), которое не позволяет физически вести бой дальше. Кроме этого, военнослужащий может оказаться в плену, поддавшись «влиянию толпы». Под воздействием внешних и внутренних факторов он, не задумываясь, делает так, как делают все. В данной ситуации осознание случившегося происходит позднее, уже в условиях нахождения в плену. Сознательные причины значительно шире по своему спектру. Прежде всего, это добровольная сдача в плен в результате стремления к личной выгоде либо стремления сохранить жизнь (предательство) [14, с.33].

Некоторые японцы, оказавшиеся в плену на территории СССР, не признавали и, до настоящего времени, не признают себя военнопленными. Историк С.В. Карасев [12, с. 30] пишет, что их отношения в Япо-

нии чаще всего применяется термин «интернированные». Можно предположить, что в этом есть и элемент национальной гордости: японцы считали, что их солдат не может оказаться в плену, он может либо победить, либо с честью погибнуть на поле боя. Это же отмечает в своем исследовании профессор Университета Сэйкэй Такэси Томита [24, с. 455]. Но в тоже время Т.Томита отмечает и противоречие. С его точки зрения, японские офицеры почти добровольно сдались в плен и подчинялись приказам и указам лагерных властей.

Еще в 1991 г. военный историк В.П. Галицкий дал ряд сведений, которые до сих пор являются основополагающими для отечественных историков при проведении исследований, касающихся японских военнопленных периода 1945–1956 гг. Количество японских военнопленных им было определено в 609.448 чел. [13, с. 237]. Последние проведенные в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) на базе фондов Забайкальского, 1–го и 2–го Дальневосточных фронтов была предложена цифра 545.959 человек [13, с. 237].

Давайте рассмотрим места нахождения японских военнопленных в Западной Сибири. Как отмечает историк М.А. Орлов в 1944 г. в Кемеровской области были официально созданы лагеря военнопленных и интернированных № 162, 142 и 203. Весной 1945 г. они были преобразованы соответственно в лагеря № 503 (с центром в Кемерове), 525 (с центром в Сталинске (современный город – Новокузнецк)), 526 (с центром в Юрге). В 1948 г. был ликвидирован лагерь № 526, в 1949 г. – № 503. Лагерь № 525 в 1949 г. был преобразован в лагерь № 464, ликвидированный в 1950 г. [20, с. 160] В г. Киселевске находилось отделение № 4 (пос. Афонино, г. Киселевск), отделение № 19 (пос Северный, г.Киселевск), №20 (пос ш. «Красный Кузбасс») лагеря МВД № 525 [6, с.5]. Подчинялись данные лагеря Управлению по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), а с января 1945 г. – Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР [20, с. 161].

«Историческая энциклопедия Сибири» выпущенная в 2009 году дает нам представление о других регионах. Лагерь № 511 был организован в г. Рубцовске Алтайского края. Туда в октябре и ноябре 1945 года прибыло 5 965 бывших военнослужащих японской армии. Позже в Западной Сибири были сформированы лишь 2 новых лагеря для японцев – № 36 и № 128 в Алтайском крае Управление 1–го из них располагалось в Чесноковке (Новоалтайск), 5 отделений,

приданных тресту «Сибстройпуть», дислоцировались вдоль строящейся железной дороги. Второй лагерь был организован в Барнауле. Непосредственно в городе находились 5 лаготделений и еще одно – в селе Троицком. Лагерь № 36 рассчитывался на 3,5 тыс. человек, № 128 – на 6 тыс., практически такие же контингенты и поступили сюда [29, с. 245].

Историк С.В. Карасёв говорит о том, что история пребывания японских военнопленных в Советском Союзе является частью истории карательной системы, которая сложилась в стране к 1945 г., и продолжением политики СССР, проводимой через ГУЛАГ, который «подмял под себя» все слои советского общества [12, с. 14].

Директива НКВД СССР № 196 от 12 ноября 1945 г. говорила о том, что «прибывшим военнопленным японцам должны быть созданы в лагерях надлежащие условия быта, питания, медицинского обслуживания и правильного трудоустройства». Это же подтверждают Директива НКВД СССР № 199 «Об условиях размещения и содержания военнопленных японцев» от 13 ноября 1945 г. и Директива НКВД СССР № 221 «Об улучшении коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев» от 24 ноября 1945 г. [1, с.167]. Однако в своих исследованиях историки Н.М. Маркдорф, С.И. Кузнецов отмечают, что в период организации руководства лагерей для военнопленных, как и администрация хозорганов, столкнулись с рядом трудностей. При спешном развертывании лагерных отделений не имелось возможности строительства необходимого количества жилых помещений. Количество прибывавших военнопленных японцев превышал лимитную, предельно допустимую численность лагерных зон.

Директива № 196 также отмечает «наличие в отдельных лагерях заболеваний бери-бери, а также рассеянных случаев сыпного и брюшного тифа требует четкой организации лечебно-оздоровительных и противоэпидемических мероприятий» [1, с.170]. Журналист Е. Багаев [3, с.10] и историк М.Н. Маркдорф [19, с. 116], Такэси Томита [24, с. 457] в своих исследованиях подтверждают осложнение положения военнопленных в Кемеровской области и Алтайском крае эпидемией сыпного тифа (ноябрь 1945 – май 1946 г.), которая привела к резкому увеличению показателей заболеваемости и смертности, прежде всего японцев, наименее адаптированных к сибирским условиям. На основании распоряжений начальников УМВД по Кемеровской области и Алтайскому краю на лагерное отделение № 5/525, лагерь № 36 и № 511 был наложен

карантин. Уже в ходе начавшейся репатриации в лагере № 36 появились больные брюшным тифом. Пик смертности иностранцев во всех лагерях по Западной Сибири приходится на 1946 г. С.В. Карасёв отмечает общее количество умерших японских военнопленных по стране в 1946 г. – 24.804 чел. [13, с. 231] Это совпадает с данными других историков. Остановить распространение и рост заболеваний алиментарной дистрофией и смертность от нее во всех алтайских лагерях не удавалось вплоть до полной ликвидации самих лагерей. После изменения условий содержания и норм питания, а также широких противоэпидемических мероприятий, смертность военнопленных пошла на убыль к лету 1946 г. Киселевский журналист Ольга Хлопотова в своей статье составила таблицу причин смертности военнопленных в лагере № 525 (г. Сталинск) (см. Приложение 1) [26, с.32]. Первое место занимает дистрофия, вторая причина смерти – туберкулез.

Немаловажный вопрос, который поднимают в своих исследованиях Н.М. Маркдорф [17, с.1139] и М.А. Орлов [20, с. 162], а также журналист Е. Багаев [3, с.10] это различные формы протеста японских военнопленных. Имели место факты открытого протеста, явного вредительства и саботажа со стороны враждебно настроенных военнопленных (особенно японцев), направленные на срыв плановых производственных заданий: профашистская агитация и пропаганда, умышленное членовредительство и обморожения, симуляция, отказ от приема пищи и от работы под любым благовидным предлогом, намеренная порча оборудования и инструментов, покушение на самоубийство, грубое обращение военнопленных друг к другу и оскорбление командиров, драки, избиение хорошо работающих военнопленных их бригадирами. Например, военнопленный майор Сато беспощадно избивал солдат своего подразделения за добросовестный труд на производстве [17, с.1139]. Е. Багаев пишет, что японские военнопленные устраивали «сидячую забастовку» на несколько дней не объясняя причин (потом выяснялось, что в они хотят замены в меню картошки на рис). Когда лагерное начальство лагеря № 503 дало японцам рис, они вновь вышли на работу. Об этом же пишет профессор Университета Сэйкэй Такэси Томита. Японские военнопленные, с его точки зрения, были лишены национальных блюд в норме продовольственного снабжения, таких как рыба рис, и это ущемляло их гражданские права [24, с.455].

Виновные в саботаже военнопленные, как пишет в своем исследовании

Н.М. Маркдорф [17, с.1138] наказывались арестом на 10 – 20 суток, особо злостные нарушители предавались суду военного трибунала, приговаривались к 5 – 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых или режимных лагерях. Судебные процессы над военнопленными за умышленные нарушения лагерного режима стали весьма распространенным явлением в сибирских лагерях вплоть до начала 1948 года.

Своеобразной формой протеста, следствием невозможности или нежелания приспособиться к лагерной повседневности, свидетельством безысходности, неверия в то, что каким-либо иным способом можно попасть на родину мог являться и побег. Можно отметить, что в отличие от других регионов Западной Сибири побегии иностранных военнопленных из лагерей Алтайского края не носили массового характера. Всего за период с 1945 по 1948 гг. было зарегистрировано 36 случаев побегов, из которых 4 имели групповой характер, 32 человека пытались достичь «дорогой земли» в одиночку. Историк Н.М. Маркдорф пишет, что в Кемеровском архиве есть документ о том, что некая Клавдия Куляшина получила 200 рублей за то, что обнаружила беглого японца и выдала его властям [17, с.1138].

Серьезной проблемой деятельности лагерей Н.М. Маркдорф [17, с.1139] и М.А. Орлов [20, с.163] считают неуставные отношения лагерной охраны и местного населения. К уголовной и дисциплинарной ответственности в лагерях МВД СССР для военнопленных лишь в одной Кемеровской области за период 1945–1949 гг. привлекли 1110 военнослужащих гарнизона конвойных войск и вахтерского состава, допустивших нарушения трудовой и воинской дисциплины. Только в кемеровском лагере № 503 было наложено 338 дисциплинарных взысканий, 39 офицеров и рядовых привлекли к уголовной ответственности.

В то же время, все сибирские лагеря до 1947 г. имели недокомплект личного состава, во многом объясняемый существенной текучестью лагерного персонала, об этом пишут Н.М. Маркдорф [17, с. 1139], М.А. Орлов [20, с.164] и А.А. Долголюк. Например, на начало мая 1943 г. по Управлению лагеря № 93 из положенных по штату 84 человек имелось в наличии 53, а по семи участкам вместо 368 человек – 284. Кадровый дефицит около 20% испытывали все алтайские лагеря [10, с. 100].

Еще один штрихом из жизни японских военнопленных Алтайского края и Кемеровской области является их активная идеологическая работа. Среди контингента

японских военнопленных в Барнауле были активисты. Подразумевалось, что они вернутся на родину друзьями советской власти. В 1946 году в лагере № 128 Барнаула был образован кружок, который первоначально носил название «Сюндзю». Работа этого кружка состояла из лекций и изучения статей из газеты «Ниппон Симбун». Она начала выходить в 1945 году в Хабаровске и распространялась по лагерям военнопленных. Спустя некоторое время кружок изменил свое название на «Синдзинкай» и стал демократической группой в составе 13 человек [8]. Таким образом, предполагалось создать группу японцев доброжелательно относившихся к советскому режиму.

3. Влияние японских военнопленных на экономику отдельных регионов Западной Сибири во второй половине 40-х – начале 50х годов XX века

Кузбасские исследователи и краеведы отмечают явный вклад спецконтингента в развитие региональной экономики и в реализацию строительной программы городов Кузбасса.

Р.К. Бикметов отмечает, что во второй половине 40-х годов 17000 военнопленных работали на угледобыче, 7000 военнопленных и строительстве шахт «Зыряновская», «Абашевская-2», «Красногорская», № 7«Б» (предприятия «Главшахтостроя»). 6000 человек работало в строительных организациях треста «Главжилстроя» [4, с. 11]. Однако ученый исследователь не указал национальный контингент военнопленных. Труд японских военнопленных лагеря № 503 активно использовался в промышленном и гражданском строительстве в городе Кемерово (тресты «Кемеровожилстрой», ОСМЧ-30, трест № 30). Они работали на строительстве заводов: «Карболит», № 652 НКЭП СССР, коксохимзавода, химкомбината, трамвайного парка, гаража. Их труд нашел применение на эксплуатационных работах Прокопьевского завода оборудования лампового хозяйства, Кузнецкого завода ферросплавов, асфальтового завода, кирпичных заводов № 2 и № 3, на лесозаготовках Яйского района [20, с.161].

Контингент лагеря № 526, организованного в г. Юрге, до 1948 г. обслуживал предприятия треста «Анжероуголь». Военнопленные строили корпуса стекольного и военного завода № 75, работали на строительных объектах (стройуправления трестов «Сибпуть», «Кемеровопромжилстрой»). Р.К. Бикметов говорит о том, что в целом в 1946 г. план доходов от контрагентских заработков был выполнен на 98,5%. В итоге получены доходы на сумму 66811 тыс. ру-

блей. Все дотации полностью возвращены государству. За счёт собственных средств лагеря провели сезонную заготовку на зиму картофеля и овощей, увеличили запасы по другим продуктам питания. [4, с. 16]

В июле 1948 г. были репатриированы на родину японские военнопленные. Оставшийся контингент численностью 3712 человек был передан вновь сформированному режимному лагерю № 464, поставлявшему рабочую силу для трестов «Кузнецктяжстрой» и «Кузбасспромжилстрой». Лагерь добился полной рентабельной деятельности, государству было перечислено 260 тыс. рублей. В июне 1950 г. лагерь был закрыт [4, с. 47]. Построенные при их участии предприятия и шахты были включены в состав промышленного потенциала региона. В условиях дефицита людских ресурсов силами спецконтингента в лице военнопленных, в том числе и японских, в послевоенный период активно осуществлялось строительство и ввод в эксплуатацию всех основных шахт, КМК, многих промышленных объектов и заводов региона.

Лагерь № 503 сыграл заметную роль в развитии экономики Кемеровской области. Применение труда контингента лагеря позволило сократить дефицит рабочей силы по области, обеспечить работниками ведущие угледобывающие и строительные предприятия ряда городов области, начать строительство Новокемеровского химкомбината, ставшего впоследствии одним из крупнейших химических предприятий Западной Сибири. [20, с. 160]

В г. Киселевске, по свидетельствам очевидцев (архивной документации нет), японские военнопленные работали на ш. «Тайбинская», на ш. № 13 (ныне «Киселевская», на строительстве ш. «Черкасовская», строили жилые дома [26, с.32]

В Алтайском крае военнопленных на основании заключенных договоров с лагерем использовали следующие предприятия: трест № 15 (военнопленные японцы); завод «Алтайсельмаш»; УВСП – 380 (военнопленные японцы); Управление Золотушинского рудника Локтевского района (военнопленные японцы). Четыре лагерных отделения действовали до февраля 1948 г. Японских военнопленных находящихся в лагере под Барнаулом использовали трест «Стройгаз» (881 японских военнопленных); Кожзавод (171 японских военнопленных); обзормонтирный завод (40 японцев); УМГБ Алтайского края (28 японцев); сельхозработы в совхозе УМВД Алтайского края (50 японцев); УВС – 2 (400 японских военнопленных) Главвоенстроя; завод № 77 (552 японцев и корейцев); Барнаульский

вагоноремонтный завод (555 японцев); САРМ – 85 (20 японцев), сельскохозяйственные работы подсобного хозяйства управления лагеря № 128 (61 человек). [17, с. 1138]. Таким образом, труд более 50% от общего количества иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях Алтайского края, использовался на промышленных предприятиях края.

Иностранные военнопленные использовались на предприятиях Алтайского края с 1945 по 1948 гг.

Вывод, который можно сделать по отдельным показателям из исследований Р.К. Бикметова, М.А. Орлова и Н.М. Маркдорф различен. Если Н.М. Маркдорф говорит о нерентабельности труда военнопленных в Алтайском крае в 1946 году, вызванной, прежде всего, трудностями послевоенного времени. То, начиная с 1947 года, производительность их труда неуклонно растет и достигает к 1949 году 120 – 130 %. [17, С.1137] Р.К. Бикметов и М.А. Орлов расходятся в статистических данных по выполнению плана военнопленными в Кемеровской области. Р.К. Бикметов отмечает рентабельность близкую к 98,5% у военнопленных уже в 1946 году по лагерям Кемеровской области. М.А. Орлов приводит данные по лагерю № 503. Выполнение плана по его показателям в 1946 г. составляет 69,5% и лишь к 1949 году вырастает до 123,5%.

Однако все исследователи сходятся в том, что труд военнопленных, в том числе и японских, внес значительный вклад в послевоенную экономику Кемеровской области и Алтайского края.

Важно отметить, что труд японских военнопленных так и не был оплачен ни Советским Союзом, ни Японией, что отмечают в своих работах И.И. Козлов [15], К.Е.Черевко [28, с.230], Н.М. Маркдорф [19, с.122]. Полемика по вопросу материального вознаграждения длится до сих пор. Многие японцы считают Сибирь не «пленом», а незаконным интернированием, а японских военнослужащих и гражданских лиц, бывших в плену, – бесплатной рабочей силой, так требовавшейся Советскому Союзу в послевоенное время. Однако международное право не считает плен основанием для выплаты компенсаций.

4. Проблема репатриации японских военнопленных во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов

В своем исследовании Наталья Михайловна Маркдорф, говорит о том, что процесс репатриации японских военнопленных из лагерей Западной Сибири напрямую зависел от складывавшейся политической

и социально-экономической ситуации в стране [19, с. 115].

Массовая репатриация поступивших в декабре 1945 г. нетрудоспособных пленников Квантунской армии из Кемеровской области и Алтайского края началась в июне 1946 г. В соответствии с приказами МВД СССР за № 00339 от 20.04.1946 г. и № 00385 от 04.05.1946 г. начальникам западносибирских УМВД, а также специальным комиссиям в их составе предлагалось определить для репатриации преимущественно лазаретных, хронически больных (туберкулезом, дистрофией, хирургических, страдающих психическими расстройствами и др.), инвалидов, длительно нетрудоспособных. Каждому региону был дан ориентировочный лимит, после утверждения которого в ГУПВИ МВД СССР и производился отбор [19, с. 116].

Как отмечают историки Н.М. Макдорф [19, с. 117] и М.А. Орлов [20, с. 162], стоимость отправки японских военнопленных в Посыет за июнь 1946 г. составила 2 659 305,58 руб., или 7% от суммы общих затрат на репатриацию в Западной Сибири. При этом расходы на одного военнопленного по Алтайскому краю были выше на 12,44% (87,5 руб.) от рекомендованных Министерством финансов цен по СССР и равнялись 703,3 руб. Однако за счёт меньших затрат по Кемеровской области средние показатели расходов на одного репатрируемого военнопленного японской армии составили – 633,92 руб. и незначительно превысили запланированный в западносибирском регионе лимит средств на 2,9%.

Новый порядок и очередность репатриации военнопленных японцев были введены во исполнение приказа МВД СССР за № 00916 «О репатриации из СССР японских военнопленных» от 11.10.1946 г. и «Соглашения по вопросу репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР, находившихся под контролем СССР, в Японию и корейских граждан – из Японии в Северную Корею» [1, с. 281]. Установленная квота в 25 тыс. чел. определялась главным образом за счёт лагерей, не подготовленных к зимним условиям и рациональному трудовому использованию пленников. К таковым относились все лагерные отделения в Алтайском крае и часть лаготделений лагерей № 503, № 525, № 526 в Кузбассе. Не всегда репатриация лагерного контингента была организована должным образом. Например, в эшелоне № 98248, в апреле – мае 1948 г. отправленном из лагеря № 503, военнопленные 7 дней не получали горячий чай; из-за отсутствия тары не было достаточного запаса воды.

На 18 вагонов имелись только 10 ушатов для развоза пищи [1, с. 650].

Дальнейшая репатриация бывших военнопленных Квантунской армии на родину была возобновлена только в марте 1948 г. В рамках постановлений Совета Министров СССР за № 2326 – 905/с от 10.06.1946 г. и за № 3273 – 1361/с от 30.07.1949 г. «О замене репатрируемых военнопленных японцев постоянными советскими рабочими» с марта 1948 г. возобновили отправку на родину как больных, так и трудоспособных [1, с. 700]. В отличие от предыдущих лет (с учётом новых требований Советского правительства к органам УМВД и хозяйственным организациям) проведение репатриации в 1948–1949 гг. имело свои особенности. В первую очередь подлежали закрытию нерентабельные лагерные отделения (на этом делал акцент в своих исследованиях Н.М. Маркдоф, М.А. Орлов, С. В. Карасёв). Военнопленные японской армии [13, с. 240], а их контингент распределялся по наиболее значимым промышленным объектам хозорганов. По сравнению с предыдущим периодом 1946–1947 гг., благодаря высоким требованиям к хозяйственному обслуживанию в пути, репатриация японцев в 1948 г. была проведена гораздо организованнее. В этот период репатрировались физически здоровые, представляющие полноценную рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве лица, но так, чтобы их вывод с основного производства не отразился на нормальной работе предприятий и строек.

К концу 1949 г. в Кемеровской области, отмечают А.А. Долголюк [10, с. 461], Н.М. Макдорф [19, с. 118] и М.А. Орлов [20, с. 164], оставались военнопленные с серьёзными компрометирующими материалами (по делам-формулярам оперативных отделов неоднократно совершавшие побег, допустившие расхищение лагерного имущества, уличённые в умышленном членовредительстве, проведении антисоветской агитации и пропаганды). Вопрос об их отправке на родину после проведённой фильтрации решался в ходе ликвидации режимного лагеря № 464 в середине 1950 г. [20, с. 163].

Анализ документов в сборнике «Военнопленные в СССР. 1939–1956» показал, что процесс репатриации, прежде всего в количественном отношении, напрямую зависел от социально-экономической и политической ситуации в стране. Государственные постановления, директивные указания и инструкции были направлены, с одной стороны, на стремление как можно дольше сохранить в стране дешёвую рабочую силу, а с другой стороны недопущение воз-

вращения в Европу и Японию потенциальных противников социалистического строя. Приказ МВД СССР № 00374 «О репатриации военнопленных японцев» в 1948 г. ясно говорит: «...Репатриации подлежат генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые, за исключением:

а) работников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов Японии (работники военных миссий, органов полиции, жандармерии, тюрем, лагерей, особых отделов, «исследовательских бюро» или «институтов»), работники радиоразведки и штабов, все работники 2 отделов Генштаба и штабов Квантунской армии);

б) командно-преподавательского состава и курсантов шпионско-диверсионных школ...

д) руководящего состава фашистского общества «Кио-Ва-Кай»;

е) руководителей и активных участников реакционных организаций и групп, ставящих перед собой задачу совершения враждебных действий в лагерях МВД и по возвращении на родину вести борьбу против демократических организаций;...

и) всех военнопленных, осужденных за преступления, совершенные в плену, до истечения срока наказания...» [1, с. 753].

Репатриация японских военнопленных проводилась форсированными темпами, это была крупномасштабная акция по всей Сибири, что свидетельствовало об эффективной деятельности региональных УМВД и управлений лагерей в рамках общегосударственной стратегии. Докладная записка Н.П. Дудрова, А.А. Громыко в ЦК КПСС «Об освобождении из мест заключения всех японских граждан и возвращении их на родину» от 24 ноября 1956 г. показывает, что на территории ССР находилось 840 военнопленных, которые и были репатрированы [1, с. 787].

В СССР считалось, что после того, как 13 декабря 1956 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе», в соответствии с которым предписывалось освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан репатриация завершена. Историк С.В. Карасев считает, что СССР, как страна-победитель, считал себя вправе поступать с военнопленными по своему усмотрению, не учитывая международные нормы [12, с.36].

Заключение

В результате проделанной работы были сделаны следующие выводы.

Во-первых, война СССР с Японией привела к появлению на территории Западной Сибири большого количества японских во-

еннопленных. На территории Алтайского края и Кемеровской области находилась большая часть военнопленных японцев Западной Сибири.

Во-вторых, существовали явные противоречия, которые были выражены в предоставлении жилищного фонда и вещевого имущества военнопленным. Лаготделения были не только не подготовлены к проживанию, но даже и не построены, хотя планировалось это сделать уже к первым партиям пленных. Что привело к повышенному уровню заболеваемости и возникновению эпидемий среди японских военнопленных.

В-третьих, наблюдались различные формы протеста японских военнопленных. Начиная от явного вредительства и саботажа со стороны враждебно настроенных военнопленных, и вплоть до попыток самоубийства и бегства из лагерей Кемеровской области и Алтайского края.

В-четвертых, труд дешевой рабочей силы был весьма востребован, тем более что в годы войны и в послевоенный период была нехватка кадров. Все историки отмечают весомый вклад труда военнопленных в экономику Западной Сибири конца 40-х годов XX века.

В-пятых, массовая репатриация японских военнопленных Западной Сибири началась летом 1946 года и закончилась в 1949 году. Не всегда репатриация лагерного контингента была организована должным образом.

В-шестых, до сих пор существует проблема захоронений японских военнопленных, в том числе и по Западной Сибири.

Список литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; / Под ред. М.М. Загорюлько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
2. Базаров О. Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945 – 1948 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Д. Базаров. Иркутск, 1997. – 18 с.
3. Багаев Е. Потерянные в Сибири / Е. Багаев // Кузнецкий Край – Новый взгляд. – 2006. – №23. – С.10.
4. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. / Р.С. Бикметов. – Барнаул, 2011. – 54 с.
5. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914 – 1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. / Е.Ю. Бондаренко. – Владивосток, 2004. – 47 с.
6. Васильева Л. Мы все из ГУЛАГа, Белые пятна истории: Сибирское интернирование / Л. Васильева // В бой за уголь. – 1991. – 30 ноября – С. 4–6.
7. Васильева Л. «Мы все из ГУЛАГа, Белые пятна истории: Сибирское интернирование / Л. Васильева // В бой за уголь. – 1992. – 13 августа – С. 2.
8. Власова М. Японские «мстители» [Электронный ресурс], – <http://project24742.tilda.ws/>.

9. Галицкий В. Судьба советских граждан в Маньчжурии (1930–1945 гг.) [Электронный ресурс]. – http://observer.materik.ru/observer/N8_2005/8_12.htm.
10. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950) / А.А. Долголюк. – М.: Кучково поле, Императорское русское историческое общество, 2016. – 544 с.; 16 с. ил.
11. Зимонин В.Г. Победная точка во Второй мировой войне: совет.-яп. война, 1945 г. – происхождение, ход, итоги / В.П. Зимонин; Рос. акад. наук, ин-т Дал. Востока. – М.: Ин-т Дал. Востока РАН, 2005. – 111 с.
12. Карасёв С.В. История плена: советско-японская война и её последствия (1945–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.В. Карасев. – Улан-Удэ, 2007. – 38 с.
13. Карасёв С.В. Военнопленные японской армии и армий её союзников в советском плену (1945–1956) / С.В. Карасёв // Вестник ИрГТУ. – 2008. – №4. – С. 237–241.
14. Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. / Е.Л. Катасонова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 257 с.
15. Козлов И.И. Японские военнопленные в Сибири // Братский государственный университет [Электронный ресурс]. – <https://newsland.com/community/1115/content/iaponskie-voennoplennye-v-sibiri/698713>.
16. Кошкин, А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР 1931–1945 гг. автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / А.А. Кошкин. – М.: Мысль, 1989. – 51с.
17. Маркдорф Н.М. Организация лечебного дела и трудоустройство иностранных военнопленных в Западной Сибири в 1943–1948 гг. (на примере Алтайского Края) / М.Н. Маркдорф // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – №4; Т.10. – С. 1131–1140.
18. Маркдорф Н.М. Особенности региональной политики по сохранению и восстановлению иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в Западной Сибири / М.Н. Маркдорф // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – Вып. 7. – С. 140–147.
19. Маркдорф Н.М. Особенности репатриации японских военнопленных из Западной Сибири (1946–1949) / М.Н. Маркдорф. РОССИЯ И АТР, Владивосток: ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН, 2012. – С. 114–122.
20. Орлов М.А. Кемеровский лагерь военнопленных и интернированных № 503 (1945–1949 гг.) / М.А. Орлов // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2014 – №1. – С. 160–165.
21. Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: 1937–1945 гг. – М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999. – 540 с.
22. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования [Электронный ресурс]. – <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm> Диссертация Красноярск-2001.
23. Тимофеева А. Памятник во имя мира / А. Тимофеева // Телевизионный вестник. – 2015. – 30 ноября. – С. 4–6.
24. Томита Такэси Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка / Т. Томита // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. – вып. 8. – Иркутск. 2017. – С. 453–463.
25. Установлен памятник умершим японским военнопленным // В бой за уголь. – 1992. – 11 августа – С. 1.
26. Хлопотова О. Затерянные в Кузбасской земле / О. Хлопотова // Городок. – 2014. – 8 мая – С. 32–33.
27. Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. / К.Е. Черевко, А.А. Кириченко. – М.: Бимпа, 2006. – 320 с.
28. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. / К.Е. Черевко – М.: Вече, 2003, 572 с.
29. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 2 / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.